А папство? Можно ли его отделять от «натиска на Восток»? Ответ может быть только отрицательным. Между западными государями и папами бывали всякого рода разногласия, бывала острая борьба, бывали периоды усиления и ослабления папской власти, бывали времена, когда папы выступали простыми марионетками в руках императора или какого-либо короля, впоследствии имело место знаменитое «Авиньонское пленение пап», и т. д. Но что касается «натиска на Восток», то в этих partibus infidelium между мечом и крестом всегда царило единодушие, рыцари и миссионеры шли рука об руку и сам поход крестоносного войска совершался под эгидой церкви, именем божьим. Тот же Иннокентий IV, который в то время занимал папский престол, был всего лишь типичным папой своего времени. Находясь в смертельной вражде с германским императором Фридрихом II, враг Гогенштауфенов и Империи вообще, он в то же время всеми средствами поддерживал Тевтонский орден, закреплял за ним захваченные земли, насаждал католическую иерархию в Пруссии и на славянских территориях. При помощи унии он стремился подчинить себе православную церковь, пытался столкнуть Александра Невского и монголо-татар, побуждая каждую сторону к выступлению. Цель состояла в том, чтобы создать благоприятную обстановку для захвата Орденом чужих земель. Острейшая борьба между папой и императором не помешала папе и Ордену быть верными союзниками. Можно ли при всем этом утверждать, как это делает автор, что подобная ситуация вовсе не похожа на заговор папства и Ордена против России?

* * *

Следующий подъем интереса русских книжников к Западу связан с Флорентийским собором. Гюнтер Штёкль приходит к двум выводам относительно поведения русской стороны на этом соборе. Во-первых, русская делегация не играла никакой роли в том ожесточенном диспуте, который развернулся на соборе вокруг догматов католической и православной церкви. Во-вторых, русские обнаружили совершенно фанатическое упрямство в деле объединения церквей, решительно не приняли унию, несмотря на то что в принятии унии и заключался самый смысл решения Флорентийского собора.

Что касается первого вывода, то тут Гюнтер Штёкль прав; для такого вывода есть все основания в русских источниках. Путевые записки Неизвестного суздальца, автором которых было светское лицо — скорее всего, какой-нибудь суздальский дьяк, ничего не говорят о догматической стороне дела. Если обратиться к основному русскому источнику — Повести Симеона суздальского, — то едва ли можно усомниться в том, что богословская подготовка русской духовной делегации оказалась совершенно недостаточной по сравнению с подготовкой константинопольского и римского духовенства. Судя по всему, русские делегаты не знали не только латинского, но и греческого языка, знать который они были обязаны, и поэтому весь спор между сторонами прошел мимо них. В Повести Симеона мы не найдем ни строчки даже о пресловутом «filioque», занимавшем огромное место в дискуссии. Оратор византийской стороны Марк Эфесский произносит у Симеона суздальского одну и ту же речь, содержащую лишь некоторые, и притом элементарные, положения православия. Видимо, дальше этого богословская премудрость Симеона не шла. В рассказе о фактическом ходе собора в Повести содержится немало фантастического. И по охвату материала, и по богословской осведомленности труд Симеона стоит несомненно ниже и известного труда византийского участника собора